

PHOTO COURTESY ANNA BARRY

Dmitri Hvorostovsky with Anna Barry

DIMA

Personal memories by his Philips Classics producer, Anna Barry.

Monday, 19 June 1989 was a pretty ordinary day in the Philips Classics offices in Baarn until exactly eleven seconds of it changed my life, and the life of someone who was to become my best friend, and one of the most phenomenal singers of his generation. I was talking with my colleagues about the casting for an opera. Someone asked: 'Did you hear the baritone who just won Cardiff Singer of the World on Saturday?' I had not, so someone else hit play. By the end of the first

phrase of 'Ombra mai fù' eleven seconds later I was resolved that I had to sign this artist. And I am unbelievably fortunate to be able to say I did.

Through a friend working at the opera house I discovered, as luck would have it, that Dmitri Hvorostovsky was rehearsing in Amsterdam for a concert and so sent the singer an invitation to join me and my boss Erik Smith for what we hoped would be a dinner to impress at the Bordewijk restaurant on the Amstel. Dmitri, who had managed to ditch his minder and arrive alone, spoke not one single word of English at that point, and I not one word of Russian. This did not prevent a jolly evening being had by all, with a large amount of red wine and Armagnac being consumed, along with many more steaks than there were people around the table. As Dmitri left, however, I was not entirely sure that he knew who we were or what we wanted to ask him, and it started to dawn on me that signing him might not be going to be quite as straightforward as I had hoped. Fortunately for me, I discovered Mark Hildrew had signed a management contract with Dmitri in Cardiff, or at least made an agreement – perhaps it never needed to be put on paper – which subsequently lasted the whole of Dmitri's life.

Mark entered my life shortly after that dinner. He drove a hard bargain, but he at least had Russian interpreters on tap to talk with his artist, and we

successfully negotiated together the recording contract with Philips Classics under which all the recordings in this collection were made. After Dmitri's Amsterdam concert, conducted by Jules van Hessen and produced by Stef Collignon who later joined Philips Classics, an eye-wateringly huge number of vodka shots were consumed in a bar at the Hotel de l'Europe. Somehow, at around 5am, someone remembered Dmitri had a plane to catch and got him to the airport. He then disappeared to Krasnoyarsk. I say disappeared because at that time it was impossible, literally, to telephone anyone in Russia, let alone Siberia. Mark and I were at the mercy of telexes to the likes of Goskoncert which could remain unanswered for weeks, or indeed ever. I wondered how on earth this was all going to work.

But it did work. Mark had already established a partnership with Elena Nedosekina, Dmitri's de facto Russian manager, and was making successful progress with tour plans. Behind the scenes from the first moment and through every project was my phenomenal assistant Hermine Sterringa who became a true friend to me and to Dmitri. Dmitri and I signed the Philips contract a few months after meeting in Amsterdam on a sunny terrace in Nice, where he was performing Yeletsky in Tchaikovsky's *Pique Dame* at the opera house.

By this point, we had acquired one tiny red

pocket Russian-English-Russian dictionary which accompanied us everywhere and enabled us to communicate better than might be expected. Dmitri found being away from Russia extremely difficult and gravitated understandably to anything which reminded him of home. I recall his absolute delight when, wandering around the old town of Nice, we found a Russian restaurant with *pelmenyi* on the menu, and his horror at the tiny portion size. Dmitri's wife Svetlana flew over – her first trip outside crumbling Soviet Russia – and it was suddenly Dmitri who was explaining everything to someone else. 'This is Annushka my producer (I remain Annushka to Dmitri's whole family), this is my contract, it's a ten-minute walk to the hotel, chocolate ice-cream exists, this is brown sugar, yes you can eat it...'

Svetlana was head-turningly beautiful, and her incredulous laugh at so many things was infectious. It was a very happy time, and we had fun. Philips hosted a dinner at the Russian restaurant after the premiere of *Pique Dame* (with enlarged portions of *pelmenyi*) to celebrate the signing of Dmitri's contract and this was where Dmitri first made his infamous short toast, repeated innocently all over the world by Philips employees at similar dinners without any idea they were swearing like troopers.

More or less at the same time, my colleague Rupert Faüstle signed Valery Gergiev to the Philips Classics label. He had just become Music

Director of the Rotterdam Philharmonic and although Gergiev and Dmitri had never met, it seemed logical to ask Gergiev to conduct Dmitri's debut recording with his orchestra in Rotterdam.

Both were rebels, and Dmitri remained his entire life a proud outlaw who commanded his own career, beholden to no one. Both artists came from regions of Russia which were at that time unfashionably far from Moscow and St. Petersburg; neither had been given an easy ride at home to access the big bastions of Russian culture; and both were phenomenally talented original artists, steeped in Russian music and full of courage and determination.

The results of that first recording speak magnificently for themselves. Dmitri worked countless times with Gergiev in the years that followed, regarding him as a genius and friend, but not even Gergiev, at the helm of what was at that time the Kirov Theatre, and then the powerhouse Mariinsky, could persuade the profoundly anti-establishment Dmitri to relinquish one atom of independence and join his, or indeed any opera company as a permanent member. In the Cardiff competition there was a collective gasp when Dmitri sang the first two phrases of the Rodrigo aria from *Don Carlo* without a breath, and he did it again here. As Hilary Finch of *The Times* wrote, he 'looked like Elvis and sang like a god'. Here was a totally

new kid on the block with the world at his feet, and to be recording him was thrilling.

In summer of 1990, Dmitri invited me to travel with him to Krasnoyarsk as 'revenge on the little red dictionary'. In other words, he thought it was my turn to be the person hopelessly lost and in need of translations and guidance and his to be my saviour. He had been invited to receive an award from what was still then the 'Russian Soviet Federative Socialist Republican Government' and for some reason neither he, nor his agent, nor his parents could fathom, permission had been offered for me to attend this ceremony.

Krasnoyarsk was still at that time a closed city, closed not only to all foreigners but also to most Russians. Dmitri's agent Elena, for instance, had never been allowed to go there. I would like to say that I made a favourable impression on arrival at Krasnoyarsk airport, but the reality is, Dmitri, Svetlana and I had been travelling for days in the same clothes. Our flight from Domodedovo, very much pre-renovation, to Krasnoyarsk, had been cancelled three times. When eventually we emerged crumpled and exhausted from the aircraft, Dmitri having been assured of a new VIP service, there was indeed a red carpet, but we soon realised this had just been a delaying tactic so our luggage could be completely taken apart.

Dmitri's parents Alexander Stepanovich and

Ludmilla Petrovna had been commanded to stand there and wait for us at the end of the red carpet. They were by then the only people left in the entire airport and looking thunderous. Dmitri's utterly, utterly wonderful parents are also rebels and I was mortified that they had been put in that position. The trip got much better from that point. The award ceremony was rather short. We were joined by Dmitri's voice teacher Ekaterina Konstantinovna Yeoffel, a minuscule and terrifying woman who, when told by a guard to stop smoking, spat in the palm of her hand and stubbed the cigarette out in it. I was seriously impressed.

We were then free to spend a few absolutely amazing days on a boat built by Starikov, a friend of Dmitri's father, sailing on the Krasnoyarsk lake, the largest man-made expanse of water in the world I believe, and extraordinarily beautiful. Once again, a large amount of alcohol was consumed, justified by a rumour that one should not be drinking the water and vodka was safer. On one land foray into the forest, Dmitri found an axe and cut down a cedar tree, to Svetlana's consternation without his glasses on. Taking out a section about three feet long, he solemnly presented it to me as a gift for my father. I have no idea how I got this log back through customs and all the way home. Some years later my father turned exquisite baby's rattles from it for Dmitri and Svetlana's twins Daniel and Sasha. Dmitri's

parents and grandmothers were among the kindest and most welcoming people I have ever met and as my first taste of Russia, Siberia set the bar high.

The next recording, released in 1991, took place in Henry Wood Hall, London, capturing the core of what would become Dmitri's favourite recital repertoire over the coming two decades – Tchaikovsky and Rachmaninoff Romances (anyone describing them as 'songs' got a very black look and a lecture). As his partner for this first piano recital disc Dmitri wanted only Oleg Boshniakovich, a wonderful pianist who Dmitri told me had fallen foul of the Soviet authorities because of his sexuality and spent time in prison. Mark Hildrew and Elena Nedosekina did not have an easy time arranging this, and Svetlana took on the 'explaining' role ('... chocolate ice-cream exists, this is brown sugar, yes you can eat it...') to smooth out many bumps in the arrangements, but the collaboration was remarkable, with the intense, colouristic playing of Boshniakovich drawing an even greater emotional range from Dmitri.

Rachmaninoff's *Christ is Risen* Op. 26 No. 6 had the greatest resonance for Dmitri and that performance remains for me truly haunting. He told me that it perfectly described how he felt at that time, not just about the church but about the future. Immersed in Dostoevsky and steeped

in melancholy which found such poignant expression in all his Russian repertoire, this was a Dmitri that most people probably never saw.

Dark Eyes was our 'recording that went wrong'. Dmitri had just received the keys for a flat in Moscow and had elected to be paid in furniture from Holland, because of shortages locally, for a recording of specially commissioned Russian folk song arrangements. Our Philips truck arrived in Moscow one week ahead of the proposed recording date and was immediately impounded by customs because of the furniture, but this was not our only problem. When I arrived, the same day, just in time to see the show Dmitri had been performing in a theatre to rehearse the new arrangements, he looked like a rabbit caught in headlights, but there was no time to ask him what was wrong.

It didn't take long to work it out. The show was visually fabulous, with Svetlana dancing exquisitely in several numbers, as well as great lighting, but the arrangements were awful. Elena Nedosekina and I had an immediate sidebar, and I asked her if she could find us a balalaika orchestra instead. The very next afternoon, thanks to the truly extraordinary ability of Elena to make impossible things happen, Dmitri and I arrived somewhere on the outskirts of Moscow and found ourselves literally crammed down the side of a small classroom already completely full

to the gunnels with the Ossipov orchestra. After a theatrical silence, they played for us *I walk the path alone*. Dmitri turned to me in absolute wonder and said 'Annushka! This orchestra is breathing!' Although they seemed to have some music in front of them, they were *en masse* able to play absolutely anything and transpose any song into any requested key immediately, which is a luxury beyond belief for a vocal recording, especially one being put together at very short notice.

Elena contracted them on the spot for us, then magicked up the Great Hall of the Conservatory for the recording – God knows how – and also managed after three attempts and several days to get our truck released. First, we unloaded the furniture at Dostoevsky Street – I always found this a particularly appropriate address for Dmitri – then, leaving Svetlana and her young daughter Masha to make sense of the flat pack instructions, headed straight to the Conservatory. I love this recording. It turned out wonderfully... in the end! In between all of this, Dmitri and Svetlana cast their first ever democratic votes, for Boris Yeltsin.

One of the songs from 'Dark Eyes' that Dmitri sang for many years as an encore is *Nochen'ka*, made famous by the legendary bass Feodor Chaliapin. Sometime after the recording I had the privilege of going with Dmitri to

the house of Chaliapin's birth in Yalta and I eventually persuaded Dmitri reluctantly to let me photograph him sitting in Chaliapin's chair. I realized later that his respect for great singers

was separate, and above all he didn't want to be thought of as a successor to anyone or compared to anyone. He wanted to be entirely the one-off that he was. Dmitri's *Nochen'ka* is one single

PHOTO COURTESY ANNA BARRY

Dmitri and Anna Barry, recording at Henry Wood Hall with Oleg Boshniakovich

example of his consummate vocal skill and musicianship. There is not one note that does not change colour, sometimes multiple times, under Dmitri's complete control, bewitching us with laser focus, bringing us into the centre of the melody with him so that his voice literally envelops us and speaks for us. I can only think of Anna Netrebko and Elina Garanča today who hold their audiences in the palm of their hand in this same way, with notes that float seemingly forever, crescendos and diminuendos anywhere in their tessitura seemingly at will, and a world in every single note.

We were in Yalta, and then Odessa, for a series of concerts to prepare materials for the Bel Canto Arias recording. By stark contrast with the Russian Federation of that time, Odessa was awash with roses the size of soup plates, wonderful fresh food, fruit, vegetables, fish and... caviar. It was dispensed from open plastic buckets on the street and, astounded at how cheap it was, I proffered a very large plastic bag, paid, and returned to the hotel with an excellent haul. Dmitri's parents were with him on that trip, and far from being pleased to share the caviar, they told me straight away that this was ridiculously, disgracefully extravagant, I should be ashamed of myself, and then refused to join us for dinner. I wish I could say that I got my comeuppance and got food poisoning, but I remain unrepentant – it was absolutely demolished, and

absolutely delicious. And I was quickly forgiven.

There were difficult discussions around the repertoire for this recording. I was keen to celebrate the phenomenal top of Dmitri's voice and he and his father were worried this would turn a serious recording into a circus act. Dmitri decided finally in Odessa that he would include one B-flat in the cadenza of the *Don Sebastiano* aria because it could be justified musically, and because it was in his voice as a baritone. But probably to make the point to me that he was the boss, and because he could not stay serious indefinitely, he then began that aria in the Odessa performance not with 'O Lisbona' but 'O Odessa' and ran the first several phrases together without taking a breath. So much for no circus.

By the time he came to record the album with Ion Marin in London, all extraneous jokes were removed, although we still had a lot of fun, and I think this recording is the single most wonderful testament to Dmitri's lyric baritone. Ion Marin became a great friend and was best man at Dmitri's wedding to Florence Illi in 2000 after his marriage to Svetlana finally ended in divorce.

Russian opera dominated my 1990s with an enormous amount of work in St. Petersburg. Dmitri was now a frequent honoured guest artist in many places in the world, but not yet St. Petersburg, and so he approached the recording we named 'Songs and Dances of Death' with

some trepidation. Traditions in Russian repertoire abound, are complex, and outsiders – as we remember – are given a hard time. It is hard to imagine now, with Dmitri later having become an iconic figure in popular Russian culture with his War Songs tours, that the jury was still out for Dmitri in Moscow and St. Petersburg for some years after his career in the West was already in full flight. Before the first session in the Mariinsky Theatre he shared with me that he was very nervous, had visions of hundreds of singers sitting in the auditorium judging him, waiting for him to make a mistake.

Of course he need not have worried. Firstly, his collaboration with Gergiev was already one of the best partnerships of his career and this was Gergiev's home turf. Secondly, Dmitri's extraordinary talent and personality were such that he simply vaulted over envy or jealousy and inspired only wonder and admiration in his colleagues. That is not to say every baritone in St. Petersburg was not in the auditorium when he sang the impossibly difficult Venetian guest aria from *Sadko*. And still there, gasping at the breath control and incredible beauty of the second *Demon* aria. This was probably the recording which caused Dmitri the most anxiety, where he felt the stakes were very high for him, but when we got to the *Aleko* aria and half the orchestra were in tears, let alone the rest of us, I think he finally realized how much he was loved at home.

Released in the same year as *Songs and Dances of Death* and *Bel Canto Arias*, Dmitri's 1996 album, *Russia Cast Adrift* was not such an easy sell to Philips. Dmitri argued long and hard to record this cycle and I am so glad that he prevailed. Georgy Sviridov was revered in Russia but his music was relatively unknown in the West in the 1990s. He and Dmitri were friends, and with Sviridov's 80th birthday approaching in 1995, Dmitri wanted to have recorded this mighty song cycle, written in 1977 to words by Yessenin from pre-Revolutionary times. He was partnered for this recording by Mikhail Arkadiev, a magnificent pianist with strong views, and another equal recital partner to Dmitri. They argued almost as much as they performed in rehearsal, and this tension, in the common cause of delivering for a composer they both loved, created a truly epic recording. I believe that many parts of this performance, including the end will never be bettered. It is probably the one thing I cannot listen to yet.

Dmitri went on to record more song cycles by Sviridov, but for me, there is something about this one that perfectly captured the Russian zeitgeist of the mid-1990s: a mix of nostalgia, melancholy and real hope, renewed patriotism, pride and the belief that anything was now possible. And something about the words 'with the sun in my hands' from that last song seems to me a fitting description of Dmitri himself.

Arkadiev was a very frequent visitor to Dmitri and Svetlana in their Islington home and Mark Hildrew was living nearby with his partner, so the house became something of a hub for planning and rehearsals, not least because Svetlana kept cooking *pelmenyi* and her signature dish, *plov*. Most of the repertoire for the many recital tours was prepared there, and Dmitri's favourite Romances of that time all found their way onto the recording aptly titled 'My Restless Soul'. The accompanying note for this release by Dmitri's great friend Frank Rizzo brilliantly describes how Russian art songs first drew on folk (*pesnya*) and European romance traditions and how there have always been strong, almost political positions taken on differences between genres (enter the black look!), with the Romance emerging triumphant through Tchaikovsky.

I have fond memories of endless discussions with Dmitri and his father about these distinctions and Alexander Stepanovich's encyclopaedic knowledge broadening all our horizons. I knew enough already then to stay out of any debate about what is and is not a Russian Romance and rather would chat with Dmitri's amazing mother while they thrashed things out, but I do know Dmitri's own visceral commitment to Russian culture, however defined, permeates every note of this recording.

Around this time, I was trying very hard to

improve my Russian and graduate from the little red dictionary, so had submitted to a nightmarish, immersive course at a language school that still believed in windowless rooms and a red, yes still red, book with line drawings. Dmitri, Svetlana and Masha were very encouraging, although Dmitri did insist on substituting swear words for those in my exercises and coaching me with enthusiasm – it actually did help me remember!

One day we were driving somewhere and I was berating my Russian teacher, fed up with the whole experience. I said 'I cannot stand this awful Soviet textbook with exercises in it such as "my tractor is broken".' Svetlana answered carefully, not wanting to upset me: 'Annushka, it cannot be a Soviet textbook. If it were a Soviet textbook it would be "Our tractor is broken".' She did have a great sense of humour, but not that day. Dmitri and I were beside ourselves laughing, however. From that moment on, whatever car I had was known as 'our tractor'. Regarding my Russian, their son Daniel summed it up, aged two-and-a-half, as 'Rubbish Russian' and his sister Sasha abbreviated things to 'Rubbish' which became my nickname until I believe I bribed them to stop saying it. Increasingly, everyone else's English was becoming so fluent that my efforts were rather redundant.

From London, where Sviridov visited us during recording, our next project took us back to St.

Petersburg and celebrated another important friendship – with Nikolai Korniev and the St. Petersburg Chamber Choir. Dmitri was famously totally devoid of professional jealousy and had already by this time brought several extremely talented singers to Philips whom we then contracted, including Olga Borodina, and he helped to cast several operas for us, notably *Eugene Onegin*. It was Dmitri who suggested, as there was no obvious choir in Paris for that recording, we approach the St. Petersburg

Chamber Choir. We loved them and they subsequently made many *a capella* recordings with us, now to include *Credo* with Dmitri.

There were a lot of peripheral picnic activities around the recording as it was 'white nights' summer. I have wonderful memories of a huge white sheet stretched out by a lake just outside St. Petersburg, and literally dozens of delicious pastries, salads and handfuls of herbs appearing from every direction with choir members

PHOTO COURTESY ANNA BARRY

Photograph taken on the occasion of the marriage of Dmitri's step-daughter Maria (Masha) to Felipe Meggiolano Marx, the summer after Dmitri's death. Left to right: Dmitri's son Daniel, his partner Lauren, Felipe, Maria, Dmitri's widow Florence, daughter Sasha, son Maxim, daughter Nina.

emptying crates, baskets and handbags to create this spectacular feast. Quite a few people, including Dmitri, got thrown in the lake, which fortunately was not very deep, and the choir never really seemed to stop singing.

We recorded in the magnificent Peter and Paul Fortress church, the first church in St. Petersburg, where many Tsars are interned. It is a space suffused with history which commands extraordinary respect. It also has a reverberation of around seven seconds which means your artists need to be pretty good, editing not really being that easy!

We were the first recording company to be allowed to record in the church, and I always felt overwhelmed there. Dmitri adapted instantly to singing with these musicians who breathed as one and was in his element in the acoustic. He particularly loved one deep bass voice, Alexander Passiukov, plunging to G below cello C which initially baffled our equipment. At one point I was frog-marched out by Dmitri to stand in front of Passiukov so that I could hear for myself in the space that yes, he really was singing that note and it was my problem to adjust things so we could record it clearly. This note is around 3:30 into the *Great Doxology* by Nikolaev-Strumski. Both Dmitri and the choir were extremely well prepared which paradoxically enabled total spontaneity, so every take was completely

different. I had marked intended dynamics in my score and I highlight the third iteration of 'Holy God ... have mercy on us' at around 10:00 into the *Great Doxology* where there was a misunderstanding and the artists went in opposite directions – Dmitri sang forte whereas the choir sang piano. Instead of stopping, they continued and turned this into an utterly magical moment – yet another one.

Dmitri explained to me why he wanted to make this recording of devotional music although he was not sure of his own beliefs, and asked me to summarize for him. We agreed on 'I believe in the power of sacred Russian music to transport the spirit, to open our eyes to the mysteries of faith' but no surprise that we then wound up back with Dostoevsky – 'and to teach us, as Dostoevsky believed, that "beauty will save the world".' To his last day on earth Dmitri repeated daily, and believed, 'Every day is beautiful'.

S'Nev, as Sir Neville Marriner was called by his favourite driver Charlie, was one of Philips' most successful artists and beloved of everyone who worked with him. I was thrilled when Erik Smith suggested we ask him to record *arie antiche* with Dmitri, and of course the first aria that I requested was *Ombra mai fù* for old time's sake! I was also slightly anxious, however, as the faster arias proposed seemed probably the furthest Dmitri was going to get from his core

repertoire. Although Dmitri could definitely hold his own in operatic coloratura as can be heard in his wonderful duets recording with Borodina, this was a completely different genre and, I thought, somewhat out of his comfort zone. But yet again, he proved what a stunningly versatile artist he was, and this collaboration with Marriner was iridescent, in parts joyful, light as a feather, beautiful and an object lesson for me in keeping the faith. Marriner had Dmitri in stitches most of the time with his japes and off-the-cuff remarks such as 'Oh him? Great artist. Almost good enough to be here'.

Marriner's craftsmanship and skill in making things work, in the most collegial manner, left Dmitri, all of us, in awe. Dmitri added two songs with theorbo, *Amarilli* and *Nina* – he must already have loved this name. 'Arie antiche' appeared in his recital programmes more frequently from then on, made his own but with an affectionate nod to S'Nev.

The last album to be recorded with Philips was *Kalinka*. Once again we found ourselves in St. Petersburg with the Chamber Choir and Korniev, but this time in the Capelle because the acoustics of the Peter Paul Fortress church would have muddied the faster tempi numbers. Korniev and Dmitri's father were the source for most of the pieces we recorded and the choices when put together had an edginess which

made the programme extremely personal and contemporary.

Alexander Stepanovich seemed to know and sing music – he had a beautiful voice – from across all genres with equal love and reverence, and it was in fact he who persuaded Dmitri in the next phase of his career to risk touring Russia with songs from the Second World War. In some ways I feel that this second recording of folk songs prepared that step which made Dmitri a household name right across Russia. It is a completely confident, eclectic recording with enormous musical range, Dmitri completely at home using his voice at will to tell stories, moving as deftly through the fast paced numbers as he had spun coloratura with Marriner, then delivering a spellbinding, floating new version of *I walk the path alone* which says it all. Dmitri had nothing left to prove. He could sing whatever he wanted to sing, consummate master of all he undertook. His voice, and his artistic integrity was the constant. And his Russian soul.

People have asked me what it was like to record Dmitri and my answer has to be that it was easy, and also took every ounce of my own musicianship and craft. Dmitri took full responsibility for every single note that he ever sang and he rightly expected the same standards from others. He had a complex relationship with Yeoffel, his only teacher, because she was

possessive and managed to offend his parents often. Dmitri was a determined maverick, and any attempt to try to manipulate him or 'own' him, at any point in his life, was doomed to fail. He would never be commanded by anyone, relative, politician or benefactor, or toe any line that did not suit him. This is one reason his marriage to Florence was such a success – she loved him for being a free spirit and flew alongside.

Yeoffel was a tough character; however, from my own interactions with her, and from what Dmitri told me, she taught him two key things that he carried with him: firstly, there is no such thing as an exercise, every note you ever produce must be sung with the maximum thought, intent and intensity you can imagine; secondly, only warm up the middle of your voice. I would add thirdly, I believe that she also ignited Dmitri's ambition to be best in the world. I met Dmitri in 1989 and he had already stopped having lessons or consulting with anyone. He regarded it as his problem to understand, fix and develop his own voice, to find solutions on his own to anything that cropped up, and to own the results. Charismatic conductors liberated him, but charismatic teaching filled him with suspicion, with which I completely concur.

He studied constantly, never without his scores and his books. This self-reliance made him a dream to record. Totally prepared, he would

deliver a vocally flawless first take, a musically flawless second take, possibly a correction and then move on to the next thing. He knew what he had sung, he did not expect me to make things sound different after the event and trusted me completely to make choices and put a master together.

I never had one editing correction from Dmitri in all the work we did together. My job was mainly focused on helping him, with Mark, to find the right musical preparation for each recording, working out repertoire – where his father was also wonderfully helpful, and ensuring the environment and recording conditions were ready for him. He was completely focused on the job in hand, undistracted, and extremely intense, yet never missed when someone involved in the recording might be having a bad day and found a moment to give them a bear hug or a kind word.

It would be wrong, having written about his seriousness, not to say also what a hilarious and entertaining person he was, with an irresistibly infectious, sometimes very silly sense of humour and smile. He was unbelievably strong, having worked in his teenage years at the docks in Krasnoyarsk, and in later years worked out daily in a gym. In earlier times, however, he loved brandishing the unsuspecting aloft and showing off his biceps, as all his children know, pulling himself up on random door frames and doing

one-handed press-ups before bounding around even the smallest room with the energy of a tiger and a toothy grin.

He was a fantastic mimic. To the delight of Florence's wonderfully warm mother, he managed to parrot Florence's father's Geneva accent perfectly even before he actually spoke a word of French himself, and having left the little red dictionary very far behind, was truly eloquent in English and Italian. Jokes abounded in every language, but the Russian ones remain those that still make me laugh after so many years. He just had the most phenomenal comic timing and deadpan delivery. He charmed everyone, from tiny children to sponsors, with exactly the same magnetism, warmth and humour. No matter what, no-one could stay annoyed with Dmitri for long because he only had to grin and you forgave him everything. Dmitri knew that I had lost my younger brother, Jo, four years before we met. Jo would have loved him and not minded at all that Dmitri moved in to share that slot in my heart.

My life and the lives of Dmitri's family have been intertwined for more than 30 years. In the early days he, Svetlana, his parents and Masha spent Christmas at my parents' home with us and no-one has forgotten Alexander Stepanovich's halting but moving toast: 'People say we are different, but I say that we are the same'.

I love Dmitri's parents. They are phenomenal, warm people who welcomed me and cared about me, and it was devastating to see them lose their only son to brain cancer. Dmitri definitely learned his hugs and his obstinacy from his wonderful mother Ludmilla Petrovna. Svetlana was a kind, and good friend to me in the times spent happily together in many wonderful places where Dmitri was singing over ten years. We rarely stopped laughing and ate extremely well as Svetlana was a wonderful cook, a talent which Daniel has definitely inherited. She died shortly before Dmitri – a terrible loss for her children.

I was very close to Masha, Daniel and Sasha as children and still tease Daniel who, unlike Sasha who spoke loudly and lots, did not speak a word until he was two, then amazed us all one evening with 'Look at the beautiful stars in the night sky'. He is now a successful rock musician (his band is called *Daisy Brain*) who also plays Rachmaninoff preludes, and Sasha is a beautiful, budding academic. Maria (Masha) who has her own headhunting business has been a tower of strength to everyone, including me, and her marriage to Felipe was a wonderful event for the whole extended family. It is so sad that Dmitri did not live to meet their children Aria and Leo, or to spend more time with all his children.

Dmitri and Florence's daughter Nina was only eight years old when he died. Their son Maxim

and I share a love of scuba diving – I helped him to get his Open Water certification at the age of ten, and he is now following his brother into rock music. Nina is a very talented young singer with a great future, and great courage. Dmitri would be immensely proud of them all, standing together and supporting each other.

Florence was the love of Dmitri's life without a shadow of a doubt. She made him happy, understood him and rejoiced in his success. To all those of us who had worried about Dmitri's melancholy restlessness, she was a beautiful breath of fresh air, and a life-saver. She has been a steadfast and special friend to me and my partner Ingrid through good times and bad, and we all owe her an enormous debt of gratitude for her truly extraordinary, compassionate and encouraging care for Dmitri throughout his

illness as well as her ability to raise a smile in the face of absolutely any challenge.

Dmitri's death on 22 November 2017 was an inexpressible and unbearable loss. On a personal level, I still have not faced the magnitude of it. I started by saying that Dmitri was my best friend, and I am still trying to work out where he is in my life now. Certainly not gone, love being so much stronger, it seems, than life. That sounds practically Russian – he might be proud of me too! He leaves a legacy of integrity, excellence, of laughter, of extraordinary singing, of exceptional friendships and love. There will never be another Dima.

I am so glad that we made these recordings.

Annushka

London, 25 February 2022

Executive Producer for Eloquence: Cyrus Meher-Homji OAM

Audio Assembly: Chris Bernauer

Image Research: Gary Pietronave

Dmitri Hvorostovsky photos on packaging: Bettina Rheims / Decca (front of box and booklet), Fabian / Decca (back of box)

Art Director: Raymond Bannerman · www.OdysseyMedia.com.au

Booklet Editors: Adam Freeman, Bruce Raggatt

With special thanks to Anna Barry, Philip Stuart and Jonathan Summers

ДИМА

Личные воспоминания продюсера Philips Classics Анны Барри

Понедельник, 19 июня 1989 года, был вполне обычным днём в офисе Philips Classics в Баарне, пока ровно одиннадцать секунд из него не изменили мою жизнь и жизнь человека, которому предстояло стать моим лучшим другом и одним из самых феноменальных певцов своего поколения. Я разговаривала с коллегами о подборе исполнителей для оперы. Кто-то спросил: "Ты слышала баритона, который в субботу только что выиграл конкурс Cardiff Singer of the World?" Я не слышала, поэтому кто-то нажал кнопку проигрывателя. Спустя 11 секунд, к концу первой фразы "Ombra mai fu", я решила, что должна подписать контракт с этим артистом. И невероятно счастлива, что сделала это.

Через своего друга, к счастью, работавшего в оперном театре, я узнала, что Дмитрий Хворостовский репетирует концерт в Амстердаме, и мы с моим боссом Эриком Смитом послали ему приглашение на ужин в ресторане "Bordewijk" ("Бордвейк") на реке Амстел, который, как мы надеялись, произведёт на него впечатление. Дмитрий, который приехал без своего сопровождающего, на тот момент не говорил ни слова по-английски, а я - ни слова по-русски. Это не помешало нам всем весело провести вечер, выпив большое количество красного вина и арманьяка, и съев гораздо больше стейков, чем было людей за столом. Однако, когда Дмитрий ушёл, я засомневалась, что он знает, кто мы и о чём хотели его спросить, и до меня начало доходить, что подписать с ним контракт, возможно, будет не так просто, как я надеялась. К счастью, я узнала, что Марк Хилдрию в Кардиффе подписал с Дмитрием контракт на управление его делами или, по крайней мере, заключил соглашение - возможно, его никогда не нужно было оформлять на бумаге, — который продлился всю жизнь Дмитрия.

Марк вошёл в мою жизнь вскоре после того ужина. Он выторговал хорошие условия, но у него в руках для общения с артистом, во всяком случае, были русские переводчики, и мы успешно заключили контракт на запись с Philips Classics, в соответствии с которым были сделаны все записи в этом сборнике. После амстердамского концерта Дмитрия, которым дирижировал Жюль ван Гессен и продюсировал Стеф Коллинзон, позже присоединившийся к Philips Classics, в баре Otelia de l'Europe было выпито невероятное количество рюмок водки. Каким-то образом около 5 утра, кто-то вспомнил, что Дмитрию нужно успеть на самолет, и отвез его в аэропорт. Затем он исчез в Красноярске. Я говорю "исчез", потому что в то время в Россию, не говоря уже о Сибири, было буквально невозможно дозвониться. Мы с Марком слали факсы в Госконцерт, ответы на которые можно было ждать неделями или вообще никогда не получить. Я спрашивала себя, как, чёрт возьми, всё это будет работать.

Но это работало. Марк уже установил партнёрские отношения с Еленой Недосекиной, официальным российским менеджером Дмитрия, и успешно продвигался в реализации гастрольных планов. С самого первого момента и на протяжении всех проектов за кулисами находилась моя потрясающая ассистентка Эрмина Стерринга, ставшая настоящим другом для нас с Дмитрием. Через несколько месяцев после встречи в

Амстердаме на солнечной террасе в Ницце, где в оперном театре он исполнял партию Елецкого в "Пиковой даме" Чайковского, мы с Дмитрием подписали контракт с Philips

К этому моменту у нас был крошечный красный карманный русско-англо-русский словарь, который сопровождал нас повсюду и позволял нам общаться лучше, чем можно было ожидать. Дмитрию было очень тяжело находиться вдали от России, и он тяготел ко всему, что напоминало ему о доме. Я помню его абсолютный восторг, когда, бродя по старому городу Ниццы, мы нашли русский ресторан с пельменями в меню, и его ужас от крошечного размера порции. Прилетела жена Дмитрия Светлана - её первая поездка за пределы разваливающейся советской России, - и тогда Дмитрий стал объяснять всё кому-то другому. "Это Аннушка, мой продюсер (для всей семьи Дмитрия я остаюсь Аннушкой), это мой контракт, до отеля десять минут пешком, шоколадное мороженое существует, это коричневый сахар, да, его можно есть...".

Светлана была потрясающе красива, а её недоверчивый смех над многими вещами был заразителен. Это было очень счастливое время, и нам было весело. После премьеры "Пиковой дамы" Philips устроил ужин в русском ресторане (с увеличенными порциями пельменей) в честь подписания контракта Дмитрия, и именно там Дмитрий впервые произнёс свой печально известный короткий тост, который сотрудники Philips невинно повторяли по всему миру на подобных ужинах, не подозревая, что ругаются как солдаты.

Примерно в то же время мой коллега Руперт Фаустл на лейбле Philips Classics подписал контракт с Валерием Гергиевым. Гергиев только что стал музыкальным директором Роттердамского филармонического оркестра, и хотя они с Дмитрием никогда не встречались, казалось логичным попросить Гергиева продирижировать дебютной записью Дмитрия с его оркестром в Роттердаме.

Они оба были бунтарями, и Дмитрий всю жизнь оставался гордым странником, сам управлявший своей карьерой, не подчиняясь никому. Оба приехали из регионов России, которые в то время были немодно далеко от Москвы и Санкт-Петербурга; ни один из них не имел дома лёгкого пути к большим бастионам русской культуры; и оба были феноменально талантливыми самобытными артистами, пропитанными русской музыкой, дерзкие и решительные.

Результаты этой первой записи великолепно говорят сами за себя. Дмитрий бесчисленное количество раз работал с Гергиевым в последующие годы, считая его гением и другом, но даже Гергиев, стоявший у руля того, что в то время было Кировским, а затем мощным Мариинским театром, не смог убедить глубоко настроенного против истеблишмента Дмитрия отказаться от одного атома независимости и присоединиться к его или вообще любой оперной труппе в качестве постоянного члена. На конкурсе в Кардиффе все замерли, когда Дмитрий на одном дыхании спел первые две фразы арии Родриго из "Дона Карло", и здесь он сделал это снова. Как писала Хилари Финч из "Таймс", он "выглядел как Элвис и пел как бог". Это был совершенно новый парень, у его ног был весь мир, и записывать его было восхитительно.

Летом 1990 года Дмитрий пригласил меня поехать с ним в Красноярск в качестве “места маленькому красному словарию”. Другими словами, он решил, что теперь моя очередь быть человеком, безнадежно потерянным и нуждающимся в переводчике и руководстве, а его - моим спасителем. Его пригласили получить награду от правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и по какой-то причине, которую ни он, ни его агент, ни его родители не могли понять, я получила разрешение присутствовать на этой церемонии.

В то время Красноярск всё ещё был закрытым городом не только для всех иностранцев, но и для большинства россиян. Агенту Дмитрия Елене, например, никогда не разрешалось приезжать туда. Хотела бы сказать, что я производила благоприятное впечатление в аэропорту Красноярска, хотя мы с Дмитрием и Светланой уже несколько дней путешествовали в одной и той же одежде. Наш самолёт из Домодедово в Красноярск, очень серьёзно отремонтированный, отменяли три раза. Когда, в конце концов, помятые и измученные, мы прилетели, Дмитрий был уверен в новом VIP-сервисе. Действительно, была красная ковровая дорожка, но вскоре мы поняли, что это был лишь способ задержать нас, чтобы полностью разобрать багаж.

Родителям Дмитрия Александру Степановичу и Людмиле Петровне было велено стоять и ждать нас в конце красной дорожки. К тому времени они были единственными людьми, оставшимися во всём аэропорту, и выглядели потрясённо. Совершенно, совершенно замечательные родители Дмитрия - тоже вольнодумцы, и мне было неудобно, что их поставили в такое положение. С этого момента поездка стала намного лучше. Церемония награждения была довольно короткой. К нам присоединилась преподаватель вокала Дмитрия Екатерина Константиновна Иоффель, миниатюрная суровая женщина, которая, когда охранник попросил её не курить, плюнула на ладонь и затушила в ней сигарету. Я была совершенно потрясена.

Затем мы смогли провести несколько совершенно удивительных дней, плавая на лодке, построенной Стариковым, другом отца Дмитрия, по Красноярскому водохранилищу, необычайно красивому и, кажется, самому большому рукотворному водному пространству в мире. И снова было выпито много алкоголя, обоснованное слухами, что водка безопаснее воды. Во время одного похода в лес Дмитрий нашёл топор и, к ужасу Светланы, без очков, срубил кедр. Отрезав часть длиной около трёх футов, он торжественно преподнёс его мне в подарок моему отцу. Я понятия не имею, как мне удалось протащить это бревно через таможеню до дома. Несколько лет спустя мой отец изготовил из него изысканные детские погремушки для близнецов Дмитрия и Светланы Даниила и Саши. Родители и бабушка Дмитрия были одними из самых добрых и гостеприимных людей, которых я когда-либо встречала, и в качестве моего первого знакомства с Россией Сибирь установила высокую планку.

Следующая запись, выпущенная в 1991 году, была сделана в Генри Вуд Холле Лондона и включала романсы Чайковского и Рахманинова, которые станут любимым концертным репертуаром Дмитрия на ближайшие два десятилетия (любой назвавший их "песнями", получал очень мрачный взгляд и лекцию). Аккомпаниатором для своего первого сольного

диска Дмитрий видел только Олега Бошняковича, замечательного пианиста, который, как сказал мне Дмитрий, имел неприятности с советскими властями и был осуждён. Марку Хилдрю и Елене Недосекиной нелегко было организовать это, и Светлана взяла на себя роль "объясняющей" ("... шоколадное мороженое существует, это коричневый сахар, да, его можно есть..."), чтобы сгладить многие неровности в организации, но сотрудничество было замечательным, мощная, богатая оттенками игра Бошняковича вызвала ещё большую эмоциональную реакцию Дмитрия.

Наибольший отклик у Дмитрия и его самым запомнившимся для меня исполнением был рахманиновский "Христос Воскресе", соч. 26, № 6. Он говорил мне, что это прекрасно отражает то, что он чувствовал в то время не только о церкви, но и о будущем. Погружённый в Достоевского и пропитанный меланхолией, которая нашла такое пронзительное выражение во всём его русском репертуаре, это был Дмитрий, которого большинство людей, вероятно, никогда не видели.

"Очи чёрные" была нашей "записью, которая пошла не так". Дмитрий только что получил ключи от квартиры в Москве и хотел, чтобы за запись специально заказанных аранжировок русских народных песен из-за нехватки местной мебели ему заплатили мебелью из Голландии. Грузовик Филипса прибыл в Москву за неделю до предполагаемой даты записи и был немедленно конфискован таможей из-за мебели, и это была не единственная наша проблема. В тот же день в театре на концерте, где Дмитрий планировал исполнить новые аранжировки, он выглядел как заяц, попавший в свет фар, но не было времени спросить его, что произошло.

Скоро всё стало понятно. Концерт был визуально сказочным, с изысканным танцем Светланы в нескольких номерах, а также великолепным освещением, но аранжировки были ужасны. Мы с Еленой Недосекиной сразу собрались на совет, и я спросила её, не могла бы она найти нам вместо этого оркестр балалаечников. На следующий же день после обеда, благодаря поистине необыкновенной способности Елены делать невозможное возможным, мы с Дмитрием поехали куда-то на окраину Москвы и оказались буквально зажатыми в углу небольшой аудитории, полностью заполненной оркестром Осипова. После театральной паузы они сыграли для нас "Выхожу один я на дорогу". Дмитрий повернулся ко мне в абсолютном восхищении: "Аннушка! Этот оркестр дышит!" Несмотря на то, что перед ними, казалось, лежали какие-то ноты, они в массе своей могли сыграть абсолютно всё и немедленно транспонировать любую песню в любую нужную тональность, что является невероятной роскошью для записи вокала, особенно сделанной в очень сжатые сроки.

Елена сразу же договорилась с оркестром о совместной записи, затем волшебным образом обеспечила Большой зал консерватории – только Бог знает как – а также сумела после трёх попыток и нескольких дней освободить наш грузовик. Сначала мы выгрузили мебель на улице Достоевского – я всегда считала этот адрес особенно подходящим для Дмитрия, – а затем, оставив Светлану и её маленькую дочь Машу разбираться с инструкциями на упаковке, направились прямо в Консерваторию. Я обожаю эту запись. Получилось

замечательно... в конце концов! Между всеми этими делами Дмитрий и Светлана впервые в жизни проголосовали на демократических выборах за Бориса Ельцина.

Одна из песен этого диска, которую Дмитрий много лет пел на бис - "Ноченька", ставшая знаменитой благодаря легендарному басу Федору Шаляпину. Через некоторое время после записи мне выпала честь побывать с Дмитрием в Ялте, в доме, где родился Шаляпин, и удалось уговорить Дмитрия позволить мне сфотографировать его сидящим в кресле Шаляпина. Позже я поняла, что его уважение к великим певцам было особенным, и, прежде всего, он не хотел, чтобы его считали чьим-либо преемником или сравнивали с кем-либо. Он хотел быть только тем, кем он был. "Ноченька" Дмитрия – пример его непревзойденного вокального мастерства и музыкальности. Нет ни одной ноты, которая бы не меняла свой оттенок, иногда несколько раз, под полным контролем Дмитрия, завораживая нас невероятной сосредоточенностью, увлекая нас в сердце мелодии вместе с ним, так что его голос буквально обволакивал нас и говорил с нами. Сегодня, по-моему, только Анна Нетребко и Элина Гаранча способны точно так же держать аудиторию, их ноты, кажется, прячут вечно, крещендо и диминуэндо в любой точке тесситуры, казалось бы, по желанию, и целый мир в каждой отдельной ноте.

Мы были в Ялте, а затем в Одессе с концертами для подготовки к записи арий бельканто. По резкому контрасту с Российской Федерацией того времени Одесса была усыпана розами размером с суповую тарелку, прекрасными свежими продуктами, фруктами, овощами, рыбой и... икрой. Её продавали на улице из открытых пластиковых ведер, и, пораженная её дешевизной, я купила очень большой пластиковый пакет, заплатила и вернулась в отель с отличным уловом. Родители Дмитрия были с ним в этой поездке, они не разделяли моей радости, и сразу сказали, что это нелепо, неприлично расточительно, мне должно быть стыдно, а затем отказались с нами ужинать. К счастью, я не получила возмездия и пищевого отравления, но я по-прежнему не раскаиваюсь – всё было уничтожено и абсолютно восхитительно. И меня быстро простили.

Были непростые дискуссии о репертуаре для этого диска. Мне очень хотелось отметить феноменальные верхние ноты Дмитрия, а они с отцом беспокоились, что это превратит серьёзную запись в цирковое представление. В итоге в Одессе Дмитрий решил, что включит один си-бемоль в каденцию арии Дона Себастьяно, потому что это оправдано музыкально, и потому что это в его голосе как баритона. Но, вероятно, чтобы показать мне, что он главный, и потому что он не мог оставаться серьёзным бесконечно, он начал эту арию в одесском концерте не с "O Lisbona", а с "O Odessa" и спел несколько первых фраз на одном дыхании. Вот тебе и никакого цирка.

Ко времени записи альбома с Ионом Марином в Лондоне со всеми посторонними шутками было покончено, хотя мы по-прежнему очень веселились, и я думаю, что эта запись - самое замечательное свидетельство лирического баритона Дмитрия. Ион Марин стал отличным другом и был свидетелем на свадьбе Дмитрия с Флоранс Илли в 2000 году после того, как его брак со Светланой окончательно закончился разводом.

В 1990 -е годы я много работала с русской оперой и много времени проводила в Санкт-Петербурге. Теперь Дмитрий был частым почётным гостем во многих местах мира, но ещё не в Санкт-Петербурге, поэтому к записи "Песен и плясок смерти" он подошёл с некоторым трепетом. Традиции в русском репертуаре многочисленны, сложны, и чужакам, как мы помним, приходится нелегко. Трудно представить сейчас, когда Дмитрий благодаря своим турам с военными песнями стал знаковой фигурой в российской культуре, что в течение нескольких лет после взлёта его карьеры на Западе Москва и Санкт-Петербург всё ещё не оценили его. Перед первой сессией в Мариинском театре он поделился со мной, что очень нервничал, он представлял сотни певцов, сидящих в зале, оценивающих его и ожидающих его ошибок.

Конечно, ему не стоило беспокоиться. Во-первых, его сотрудничество с Гергиевым уже было одним из лучших партнёрских отношений в его карьере, и это была родная территория Гергиева. Во-вторых, необыкновенный талант и личность Дмитрия были таковы, что он просто переступал через зависть или ревность и вызывал у своих коллег только удивление и восхищение. Тем не менее, когда он пел невозможно сложную арию Венецианского гостя из "Садко", все баритоны Санкт-Петербурга были в зале. И потом ахали от контроля дыхания и невероятной красоты второй арии Демона. Вероятно, именно эта запись вызвала у Дмитрия наибольшее беспокойство, когда он почувствовал, что ставки для него очень высоки. Но когда мы дошли до арии Алеко и половина оркестра была в слезах, не говоря уже об остальных, я думаю, он наконец-то понял, как сильно его любят на родине.

Выпущенный в том же 1996 году, что "Песни и пляски смерти" и "Арии бельканто", альбом Дмитрия "Russia Cast Adrift" был не так легко продан Philips. Дмитрий долго и упорно отстаивал запись этого цикла, и я очень рада, что он одержал верх. Георгий Свиридов был почитаем в России, но его музыка была почти неизвестна на Западе в 1990-х годах. Они с Дмитрием были друзьями, и когда в 1995 году приближалось 80-летие Свиридова, Дмитрий хотел записать этот мощный песенный цикл, написанный в 1977 году на слова Есенина, относящиеся к дореволюционным временам. Акомпаниатором Дмитрия в этой записи стал Михаил Аркадьев, великолепный пианист со своим мнением и ещё один равный партнер Дмитрия по сольным концертам. Они спорили почти так же часто, как репетировали, и это напряжение, связанное с общим делом - исполнением для композитора, которого они оба любили, - создало поистине эпическую запись. Думаю, многие части этой записи, включая концовку, никогда не превзойдут. Пожалуй, это единственное, что я не могу слушать до сих пор.

Дмитрий продолжал записывать другие песенные циклы Свиридова, но, по-моему, именно в этом есть то, что идеально отражает дух времени в России середины 1990-х: смесь ностальгии, меланхолии и настоящей надежды, возрождённого патриотизма, гордости и веры в то, что теперь всё возможно. И слова "солнце на руках" из последней песни кажется мне подходящим определением самого Дмитрия.

Аркадьев был очень частым гостем Дмитрия и Светланы в их доме в Ислингтоне, а Марк Хилдрю жил недалеко, так что их дом стал чем-то вроде центра планирования и

репетиций не в последнюю очередь потому, что Светлана постоянно готовила пельмени и своё фирменное блюдо - плов. Здесь была подготовлена большая часть репертуара для многочисленных сольных туров, и все любимые романсы Дмитрия того времени включены в диск с метким названием "Моя беспокойная душа". В сопроводительной записке к этому диску большой друг Дмитрия Фрэнк Риццо блестяще описывает, как русский романс вышел из народных песен и европейских романсовых традиций, и как всегда существовали сильные, почти политические различия между жанрами (здесь снова следовал мрачный взгляд!), а романс достиг своих высот благодаря Чайковскому.

У меня сохранились приятные воспоминания о бесконечных разговорах с Дмитрием и его отцом об особенностях романсов и энциклопедических знаниях Александра Степановича, расширяющих наши горизонты. Я уже тогда понимала, что должна держаться подальше от любых споров о том, что является русским романсом, а что нет, и пока они спорили, предпочитала разговаривать с удивительной матерью Дмитрия, но я знаю, что внутренняя преданность Дмитрия русской культуре, как бы её ни определяли, пронизывает каждую ноту этой записи.

Примерно в это время я очень старалась улучшить свой русский, перейдя с маленького красного словаря на кошмарные интенсивные языковые курсы, в комнатах без окон и с красным, да-да, тоже красным, учебником с чёрно-белыми иллюстрациями. Дмитрий, Светлана и Маша очень мотивировали меня, хотя Дмитрий вставлял ругательства в мои упражнения и с энтузиазмом тренировал меня - это действительно помогало мне запоминать!

Однажды мы куда-то ехали, и я, сытая по горло всеми уроками, ругала преподавателя русского языка: "Я терпеть не могу этот ужасный советский учебник с упражнениями вроде "мой трактор сломался". Светлана ответила осторожно, не желая меня расстраивать: "Аннушка, это не может быть советский учебник. В советском учебнике было бы "Наш трактор сломался". У неё, правда, было отличное чувство юмора, но не в тот день. Но мы с Дмитрием умирали от смеха. С этого момента любая машина, которая была у меня, называлась "наш трактор". Что касается моего русского, их сын Дэниел двух с половиной лет назвал его "никудышный русский", а его сестра Саша сократила до "никудышного", что стало моим прозвищем, пока я не подкупила их, чтобы они перестали так говорить. Английский у всех неуклонно улучшался, так что мои усилия по освоению русского становились излишними.

Из Лондона, где Свиридов посетил нас во время записи, наш следующий проект возвратил нас в Санкт-Петербург и ознаменовался ещё одной важной дружбой - с Николаем Корневым и Санкт-Петербургским камерным хором. Дмитрий, как известно, начисто лишённый профессиональной зависти, к этому времени уже познакомил Philips с несколькими чрезвычайно талантливыми певцами, с которыми мы тогда заключили контракт, в том числе с Ольгой Бородиной, и он помог нам найти исполнителей для нескольких опер, в частности для "Евгения Онегина". Именно Дмитрий предложил, поскольку в Париже не было подходящего хора для этой записи, обратиться к Санкт-

Петербургскому камерному хору. Нам они понравились, и впоследствии они сделали с нами много записей а capella, в том числе "Credo" с Дмитрием.

Запись проходила во время летних "белых ночей", поэтому было много пикников на природе. У меня остались прекрасные воспоминания об огромной белой скатерти, раскинутой у озера недалеко от Санкт-Петербурга, заполненной вкуснейшей выпечкой, салатами и зеленью, которые участники хора приносили ящиками, корзинами и сумками, устраивая грандиозное пиршество. Многих, и Дмитрия в том числе, бросали в озеро, которое, к счастью, было не очень глубоким, а хор, казалось, не переставал петь.

Мы записывались в великолепном соборе Петропавловской крепости, первой церкви в Санкт-Петербурге, усыпальнице русских императоров. Это пространство, пропитанное историей, вызывающее необычайное уважение. К тому же там реверберация около семи секунд, а это значит, что исполнители должны быть очень хорошими, а редактирование на самом деле не так просто!

Мы были первой звукозаписывающей компанией, которой разрешили записываться в соборе, и я всегда чувствовала себя там ошеломлённой. Дмитрий мгновенно адаптировался к пению с этими музыкантами, которые дышали как одно целое, и был в своей стихии в акустике. Особенно ему нравился один глубокий бас, Александр Пасюков, берущий Соль ниже виолончельного До, что поначалу ставило в тупик наше оборудование. В какой-то момент Дмитрий заставил меня встать перед Пасюковым, чтобы я сама могла слышать в пространстве, что да, он действительно пел эту ноту, и моей проблемой было настроить всё так, чтобы мы могли записать её чётко. Это примерно момент 3:30 на записи "Великого славословия" Николаева-Струмского. И Дмитрий, и хор были очень хорошо подготовлены, что, как ни парадоксально, обеспечило полную естественность, поэтому каждый дубль был совершенно разным. В своей партитуре я отметила предполагаемую динамику и выделила третью итерацию "Святой Боже... помилуй нас" примерно в 10:00 в "Великом славословии", где произошло недопонимание, и исполнители пошли в противоположные стороны - Дмитрий пел forte, а хор piano. Вместо того чтобы остановиться, они продолжили и превратили это в совершенно волшебный момент - ещё один.

Дмитрий объяснял мне, почему он хотел записать духовную музыку, хотя не был уверен в своей вере, и попросил меня обобщить для него. Мы согласились: "Я верю в силу русской духовной музыки нести дух, открывать глаза на тайны веры", и неудивительно, что потом мы вернулись к Достоевскому - "и учить нас, как верил Достоевский, что "красота спасёт мир". До своего последнего дня на земле Дмитрий ежедневно повторял и верил: "Каждый день прекрасен".

С'Нев, как называл сэра Невилла Марринера (британский дирижёр и скрипач, 1924-2016) его любимый водитель Чарли, был одним из самых успешных исполнителей Philips и любим всеми, кто с ним работал. Я была в восторге, когда Эрик Смит предложил попросить его записать "Старинные арии" с Дмитрием, и, конечно же, первой арией, которую я предложила, была "Ombra mai fu" в память о старых временах! Но меня

немного беспокоило, что предложенные более быстрые арии казались далёкими от основного репертуара Дмитрия. Хотя Дмитрий определённо может справляться с оперной колоратурой, что можно услышать в его замечательной записи дуэтов с Бородиной, это был совершенно другой жанр и, как мне показалось, несколько выходил за рамки его зоны комфорта. Но он в очередной раз доказал, каким потрясающе разносторонним артистом был, и это сотрудничество с Марринером было многоцветным, отчасти радостным, лёгким, как пёрышко, красивым, и стало для меня наглядным уроком сохранения веры в себя. Большую часть времени своими насмешками и короткими комментариями Марринер заставлял Дмитрия смеяться: "О, он? Великий артист. Почти достаточно хорош, чтобы быть здесь".

Мастерство Марринера и умение заставить всё работать самым профессиональным образом повергали Дмитрия и всех нас в благоговейный трепет. Дмитрий добавил две песни с теорбой (струнный щипковый инструмент, басовая разновидность лютни, активно использовалась в эпоху барокко), "Amarilli" и "Nina" - наверное, ему уже тогда нравилось это имя. С тех пор "Arie antiche" всё чаще стали появляться в его концертных программах, спетые по-своему, но с нежным поклоном к С'Неву.

Последним альбомом, записанным с Philips, был "Kalinka". Мы снова оказались в Санкт-Петербурге с Камерным хором и Корневым, но на этот раз в Капелле, потому что акустика собора Петропавловской крепости заглушила бы более быстрые номера. Выбор большинства записанных нами произведений принадлежал Корневу и отцу Дмитрия, и соединение их вместе создало остроту, что сделало программу очень личной и современной.

У Александра Степановича был прекрасный голос, он знал и исполнял музыку всех жанров с одинаковой любовью и благоговением, и фактически именно он убедил Дмитрия на следующем этапе его карьеры рискнуть отправиться в турне по России с песнями времён Второй мировой войны. В некотором смысле я чувствую, что эта вторая запись народных песен подготовила тот шаг, который сделал Дмитрия известным на всю Россию. Это совершенно доверительная, разностилевая запись с огромным музыкальным диапазоном, Дмитрий чувствует себя как дома, используя свой голос по своему усмотрению, чтобы рассказывать истории, двигаясь в быстром темпе так же ловко, как он лихо исполнял виртуозные пассажи с Марринером, а затем представляет завораживающую, парящую новую версию "Выхожу один я на дорогу", которая говорит сама за себя. Дмитрию больше нечего было доказывать. Он мог петь всё, что хотел, будучи непревзойденным мастером всего, за что брался. Его голос и его артистическая честность оставались неизменны. И его русская душа.

Когда меня спрашивают, каково было записывать Дмитрия, я отвечаю, что это было легко, но потребовало каждой частички моей собственной музыкальности и мастерства. Дмитрий абсолютно отвечал за каждую ноту, которую он когда-либо пел, и справедливо ожидал такой же ответственности от других. У него были сложные отношения с Иофель, его единственным педагогом, потому что она была властной и умудрялась часто обижать его родителей. Дмитрий был решительным индивидуалистом, и любая попытка

манипулировать или "владеть" им в любой момент его жизни была обречена на провал. Он никогда не подчинялся чьему-либо приказу, будь то родственник, политик или меценат, и не придерживался какой-либо линии, которая его не устраивала. Это одна из причин, почему его брак с Флоранс был таким удачным - она любила его за то, что он был свободным и летела рядом.

У Иоффель был тяжёлый нрав; однако, из моего собственного общения с ней и из того, что рассказал мне Дмитрий, я поняла, что она научила его двум главным вещам, которые он всегда помнил: во-первых, не существует такого понятия, как упражнение, каждая нота, которую вы когда-либо издали, должна быть спета максимально продуманно, с ясной целью и силой, которую вы можете себе представить; во-вторых, разогревать только середину своего голоса. В-третьих, я бы добавила, что она зажгла амбиции Дмитрия стать лучшим в мире. Мы встретились с Дмитрием в 1989 году, когда он уже перестал брать уроки или советоваться с кем-либо. Он считал своей проблемой понимать, исправлять и развивать свой голос, самостоятельно находить решения возникающих проблем и владеть результатами. Великолепные дирижеры давали ему свободу, но прекрасное преподавание наполнило его сомнениями, которые я полностью разделяю.

Он постоянно учился, никогда не расставаясь со своими партитурами и книгами. Эта самодостаточность делала его мечтой звукозаписи. Полностью подготовленный, он делал вокально безупречный первый дубль, музыкально безупречный второй, возможно, коррективы, а затем переходил к следующему. Он знал, что он спел, он знал, что я не изменю звучание после сессии, и полностью доверял мне выбрать и свести вместе все дубли.

За всё время нашей совместной работы с Дмитрием я ни разу не внесла ни одной правки. Моя работа была в основном сосредоточена на помощи ему, вместе с Марком, найти правильное музыкальное оформление для каждой записи, разработать репертуар - где его отец также был замечательно полезен, и обеспечить условия для записи. Он был полностью сосредоточен на работе, не отвлекался, был чрезвычайно напряжённым, но при этом никогда не упускал из виду, если у кого-то из участников записи был плохой день, и находил момент, чтобы обнять его и сказать доброе слово.

Было бы неправильно, написав о его серьёзности, не сказать также о том, каким весёлым и интересным человеком он был, с неудержимо заразительным, иногда дурацким чувством юмора и улыбкой. Он был невероятно силён, поскольку подростком работал на пристани Красноярска, а в позже ежедневно занимался в тренажёрном зале. В молодости ему нравилось неожиданно поднимать людей и демонстрировать свои бицепсы, что знают все его дети, подтягиваться на случайных дверных косяках и отжиматься на одной руке, после чего носиться даже по самой маленькой комнате с энергией тигра и зубастой ухмылкой.

Он был фантастическим имитатором. К удовольствию удивительно тёплой матери Флоранс, он сумел прекрасно воспроизвести женевский акцент отца Флоранс ещё до того, как сам произнёс хоть слово по-французски, и, забросив маленький красный словарь, был по-настоящему красноречив на английском и итальянском. Шуток было предостаточно на

всех языках, но русские всё ещё заставляют меня смеяться спустя столько лет. У него был просто феноменальный комический талант и невозмутимое исполнение. Он очаровывал всех, от маленьких детей до спонсоров, обаянием, теплотой и юмором. Что бы ни случилось, никто не мог долго сердиться на Дмитрия, потому что ему стоило только улыбнуться, и ты прощал ему всё. Дмитрий знал, что за четыре года до нашей с ним встречи я потеряла своего младшего брата Джо. Джо полюбил бы его и совсем не возражал бы, если бы Дмитрий разделил место с ним в моём сердце.

Моя жизнь и жизнь семьи Дмитрия переплетаются уже более 30 лет. В первые годы он, Светлана, его родители и Маша встречали Рождество в доме моих родителей вместе с нами, и никто не забыл негромкий, но трогательный тост Александра Степановича: "Говорят, что мы разные, а я говорю, что мы одинаковые".

Я люблю родителей Дмитрия. Они необыкновенные, тёплые люди, которые приняли меня и заботились обо мне, и было страшно видеть, как они теряют своего единственного сына из-за рака мозга. Дмитрий несомненно научился своим объятиям и упорству у своей замечательной мамы Людмилы Петровны. Светлана более десяти лет была добрым и хорошим другом для меня во времена, проведённые счастливо вместе во многих замечательных местах, где Дмитрий пел. Мы почти не переставали смеяться и очень вкусно ели, потому что Светлана была прекрасным поваром, талант которой Даниил, безусловно, унаследовал. Она умерла незадолго до Дмитрия - страшная потеря для детей.

Я была очень близка с Машей, Даниилом и Сашей и до сих пор дразню Даниила, который, в отличие от говорившей громко и много Саши, не произносил ни слова до двух лет, а потом поразил нас всех однажды вечером словами "Посмотрите, какие красивые звёзды на ночном небе". Сейчас он успешный рок-музыкант (его группа называется "Daisy Brain"), играющий и прелюдии Рахманинова, а Саша - прекрасный, перспективный учёный. Мария (Маша), у которой есть свой собственный бизнес по подбору персонала, была опорой для всех, включая меня, и её брак с Фелипе стал замечательным событием для всей большой семьи. Так грустно, что Дмитрий не дожил до встречи с их детьми Арией и Лео, и до того, чтобы проводить больше времени со всеми своими детьми.

Дочери Дмитрия и Флоранс Нине было всего восемь лет, когда он умер. У нас с их сыном Максимом общая любовь к подводному плаванию - в десять лет я помогла ему получить сертификат Open Water (подводное плавание), и сейчас он вслед за братом занимается рок-музыкой. Нина - очень талантливая молодая певица с большим будущим и большой решительностью. Дмитрий безмерно гордился бы ими всеми, держащимися вместе и поддерживающими друг друга.

Без сомнения, Флоранс была любовью всей жизни Дмитрия. Она делала его счастливым, понимала его и радовалась его успеху. Для всех тех из нас, кто беспокоился о депрессивных тревогах Дмитрия, она была прекрасным глотком свежего воздуха и спасительницей. Она была верным и близким другом для меня и моей подруги Ингрид в хорошие и плохие времена, и мы все в огромном долгу перед ней за её поистине необыкновенную, сострадательную и воодушевляющую заботу о Дмитрии на протяжении

всей его болезни, а также за её способность улыбаться перед лицом абсолютно любой проблемы.

Смерть Дмитрия 22 ноября 2017 года стала непередаваемой и мучительной потерей. На личном уровне я до сих пор не осознала её масштабов. Я начала с того, что Дмитрий был моим лучшим другом, и я всё ещё пытаюсь понять, какое место сейчас он занимает в моей жизни. Конечно, он не ушёл, ведь любовь, похоже, намного сильнее жизни. Это звучит почти по-русски - он мог бы гордиться и мной! Он оставил после себя честность, совершенство, смех, необыкновенное пение, исключительную дружбу и любовь. Другого Димы никогда не будет.

Я счастлива, что мы сделали эти записи.

Аннушка

Лондон, 25 февраля 2022